

## СТАРАЯ ПРОФЕССИЯ



Софи МАРСО

## «Я С ДЕТСТВА МЕЧТАЛА БЫТЬ СВОБОДНОЙ»

Закончив съемки в фильме «Фанфан» Александра Жардена, Софи Марсо снова возвращается на сцену. Два года назад актриса играла в «Эвридику» Ануэя, сейчас же намерена попробовать себя в жанре музыкальной комедии: Софи будет играть Элизу Дулитл в «Пигмалионе» Бернарда Шоу.

Корреспондент «Пари-матч» Анри-Жан Серва встретился с Марсо во время репетиций.

— Вы хотели играть в «Пигмалионе» или пьеса сама вас «нашла»?

— Все получилось совершенно случайно. Да у меня все так получается, я никогда ничего заранее не планирую, не рассчитываю и не загадываю. Режиссер Бернар Миюра предложил мне на выбор несколько произведений, в том числе «Пигмалиона». Я почти мгновенно согласилась.

— Когда вы играли Эвридику, вы говорили, что вас восхитила в ней жажда абсолюта, поиск истины и стремление к счастью. Чем вас привлекла Элиза Дулитл и чувствуете ли вы какие-то близкие вам черты характера?

— Вряд ли я смогла бы сыграть героиню, в которой не было бы частички меня самой. Я не могу играть персонажей, если они мне не нравятся. Для меня Элиза — не просто вульгарная цветочница, которая хочет выбиться наверх; прежде всего это существо, жаждущее свободы. Свободы от предрассудков, от замкнутой среды, от людей, заявляющих на нее свои права. Как и она, я с детства мечтала быть свободной. Убеждена, что социальные различия возникают не из-за денег, а в зависимости от культурного уровня личности. Поэтому, как и Элиза, я все время стараюсь учиться, как можно больше читать, узнавать все новые и новые вещи.

— Изменил ли театр вашу жизнь и отношение к кино?

— Да, театр научил меня, что играть можно не только короткими «секундными» кусочками. Кроме того, нет чувства необратимости после слова «стоп!». В кино уже не переделать завтра того, что не получилось сегодня, в театре же — бесконечное число «дублей». Поэтому появляется возможность рисковать, искать что-то нетрадиционное. Падать и вновь вставать. И вместе с тем спектакль — это нечто эфемерное: по окончании представлений он существует только в воспоминаниях зрителей и новом опыте исполнителей.

— Игра в театре заставила вас изменить образ жизни?

— Да, играть в театре — значит не заниматься больше ничем. Приходится поздно ложиться и поздно вставать, хотя я терпеть не могу такого ритма. Но дело не только в этом. Я не могу и думать ни о чем другом. Просыпаясь утром, сразу же начинаю размышлять о вчерашнем спектакле и готовиться к сегодняшнему. Кроме того, я не люблю спешить, поэтому к шести часам вечера уже прихожу в гримерную.

— Трудно ли вам сосредоточиться перед началом спектакля?

— Сосредоточиться — нет. Почувствовать себя свободной — да. Стараюсь ни с кем не общаться перед выходом на сцену. Даже с моим псом.

— Кстати, вы по-прежнему занимаетесь защитой животных?

— Это не увлечение, не хобби, это — на всю жизнь. У меня мало друзей, я живу очень одиноко, и мои зверюшки — все, что у меня есть. Хотя, конечно, я стараюсь встречаться с интересными людьми и быть в курсе событий в мире искусства. Но от шумного общества я быстро устаю; возможно, это следствие того, что с детства я снимаюсь в кино, и долгие годы моя жизнь была предметом обсуждения во всех журналах. А может быть, просто устала разочаровываться в людях? Раньше меня раздражало обсуждение моих интимных проблем на страницах журналов, сейчас меня это смешит — и все.

Перевела с французского  
Елена ТЕЛИНГАТЕР.

Журнал и сценарий — 1993 — 17-24 июня

(М.М. 20-21) — с. 13